

**Нет в России семьи такой,
Где б не памятен был свой герой...**

Скромный сельский памятник, старательно подкрашиваемый во весне серебряной местной администрацией. Тёмными буквами выбиты на мраморных плитах фамилии тех, кто сложил свои головы за родную землю в 1941-45 гг. Практически в каждом селе обязательно есть такой памятник воинам-освободителям, своим односельчанам, погибшим во время Великой Отечественной Войны. Сколько же этих памятников по всей России!.. Как похожи они друг на друга! И как похожи судьбы тех, на чью долю выпало отдать свою жизнь во имя жизни других людей, во имя мира...

Есть такой памятник и в моём родном селе Серетино. Каждый год девятого мая, вот уже много лет приходят сюда на митинг мои односельчане, чтобы почтить память павших. А нарядные школьники обязательно читают стихи и приносят цветы, чтобы возложить их к ногам скорбно опустившего голову над братской могилой каменного солдата. Я тоже приносила сюда цветы и читала стихи. Звонко читала, старательно, с выражением, потому что на этих плитах выбиты фамилия моего прадеда - Игнатова Николая Матвеевича. К тому же, думая в детстве, что именно здесь и покоятся кости моего деда, я старалась вдвойне: мне казалось, что именно в этот момент дедушка видит и слышит меня с небес, и пусть он там гордится мною, своею правнучкой, потому что не каждому ученику нашей школы выпадала такая честь, как чтение стихов у памятника. Иногда я даже представляла, что он смотрит на меня, словно ангел на старинной открытке, выглядывая из-за облака, молодой и красивый, такой, как на отретушированной после войны фотографии, бережно хранимой среди документов моей бабушки...

Мой дед не успел прислать с фронта ни одного письма. Под городом Конотопом (недалеко от города Сумы) он вместе со своими товарищами попал в плен...

Болью и горечью отдаётся в сердце судьба всех военнопленных, находившихся в конотопском концлагере в 1941-43 гг. Для них оккупанты приспособили большую территорию конотопского 325-го артиллерийского полка, которую они обнесли колючей проволокой. По воспоминаниям одного из бывших узников, жили они под открытым небом, некоторые в конюшнях прямо на земле, голодали, умирали от ран. Кормили пленных один-два раза в день супом из проса или мутным варевом из свеклы. Хлеб по двести граммов выделяли только для раненых, и то не каждый день. Посуды не было. Еду накладывали в солдатскую пилотку. Пока пленный нёс суп - жидкость из неё вытекала. Медпрепаратов здесь не было. Единственным средством для лечения была паяльная лампа, которая использовалась для прижигания ран. По данным дела № 8 конотопского горвоенкомата, в годы оккупации 1941-43 гг. в концлагере пребывало около семидесяти пяти тысяч военнопленных и арестованных мирных граждан.

Двадцать семь тысяч человек (по неофици-

альным данным, около тридцати двух) было заморено фашистами в концлагере города Конотопа. Десятки узников ежедневно умирали там от голода, издевательств, болезней, избивания и расстрелов. Массовые расстрелы совершались на кладбищах, в карьерах кирпичного завода, ярах скотобойни. Туда же, впряжённые в телеги, военнопленные под конвоем свозили трупы своих товарищей. Мёртвых сбрасывали в глубокие траншеи и тракторами старательно сравнивали с землёй это подобие братских могил - чтобы даже следа не осталось.

БОЛЬ У НАС ОБЩАЯ...

Вываться из лагерного ада удалось немногим. Но такие счастливицы всё же были. Оказалось среди них и несколько наших односельчан. Они-то и поведали моей бабушке Агрипине о смерти мужа...

И вот спустя столько лет после гибели моего деда на сайте www.obd-memorial.ru, созданном с помощью Министерства обороны России совместно с корпорацией «Электронный архив» и Союзом поисковых отрядов, главным образом для того, чтобы люди могли найти информацию о своих родственниках, числившихся ранее пропавшими без вести, я нахожу краткие сведения, касающиеся моего деда.

Информация из документов, уточняющих потери:

Фамилия: Игнатов
Имя: Николай
Отчество: Матвеевич
Дата рождения: ...1902
Дата и место призыва: ...07.1941. Томаровский РВК.
Курская область, Томаровский р-н
Воинское звание: красноармеец
Причина выбытия: пропал без вести
Дата выбытия: ...06.1943...

К информации прилагается список военнослужащих рядового и сержантского состава, в количестве 17 человек, семьи которых потеряли с ними связь в период Великой Отечественной войны, родственники которых проживают на территории Томаровского района Курской области. Документ с пометкой «секретно», датирован: 28 июня 1947 г.

С волнением раскрываю сам список. У всех бойцов одно и то же звание - красноармеец, должность - стрелок и пометка - беспартийный. Напротив фамилии деда, в графе «Когда и по какой причине выбыл из части» - «можно считать пропал без вести в 12.1941 г.». «Где похоронен» - штамп «пропал без вести», а рядом аккуратным подчерком выведено - VI-43...

Радуюсь неожиданной удаче, начинаю искать его в списках военнопленных. Ввожу данные: фамилия - Игнатов, имя - Николай, отчество - Матвеевич, место пленения - неизвестно. И замираю: Игнатов Николай Матвеевич - ...1916 г. Может быть,

и дата рождения - Рязанская область, деревня Свиридовка, 17.12.1916 г., воинское звание - солдат (рядовой), место и дата пленения - г. Луцк, 25.06.1941 г., дата смерти 01.04.1942 г.

Я внимательно рассматриваю жёлтый, продырявленный слева в нескольких местах для скрепления с другими, листок (словно следы от пуль, мелькает в моей голове): нарисованный химическим карандашом толстый немецкий крест в правом верхнем углу, отпечаток указательного пальца на странице... Становится страшно. Наверное, такая же карточка была и у моего деда.

Продолжаю поиск своего прадеда уже по всем позициям сразу... Но никаких данных, кроме найденных ранее, о нём больше не нахожу, зато в списке №72 офицерского состава подлежащих исключению из списков Красной Армии, как без вести пропавших, читаю: Игнатов Николай Матвеевич, младший лейтенант, командир взвода связи, номер части, номер приказа, дата рождения - 1916 г., адрес - Рязанская область, деревня Свиридовка, связь прервана с 1941 г... Да это же тот самый рядовой из шталага № 310! И по этим двум документам передо мной вдруг раскрывается короткая история жизни совсем ещё молодого лейтенанта, чужого мне Николая Матвеевича.

Так же, как и мой дед, он попал в плен в самом начале войны, так же пропал без вести для своих родных, так же, как и он, нашёл свою смерть в немецких застенках. Однако начавший свою службу в РККА ещё в 1937 г., младший лейтенант, похоже, так и не успел в своей жизни ни жениться, ни тем более завести детей. В графе «Кто разывает» списка №72 записаны отцовские данные, а не жены, как у многих. И хотя в лагерной карточке в сведениях о ближайших родственниках записано «Игнатова Матрёна», все же думается мне, что это - данные матери красноармейца. А так хотелось бы верить, что в далёкой Рязани живёт ещё где-нибудь сын или дочь лейтенанта Николая Матвеевича, волею судьбы записанного в лагерной карточке как рядовой.

Знали ли родители о судьбе своего сына? Или он так и остался для них навсегда пропавшим без вести?..

и дата рождения - Рязанская область, деревня Свиридовка, 17.12.1916 г., воинское звание - солдат (рядовой), место и дата пленения - г. Луцк, 25.06.1941 г., дата смерти 01.04.1942 г.

В настоящее время на месте шталага № 310 в немецком городе Витцендорфе существует мемориальное кладбище советских военнопленных - ровное зелёное поле размером примерно 80 на 30 метров, а также поставленный здесь после войны правительством СССР монумент. Шестнадцать тысяч погибших здесь советских солдат - и никакие фамилии... А на месте концлагеря в украинском г. Конотопе, бывшего дугага № 192, переименованного летом 1942 г., когда лагерь в г. Витцендорфе практически перестал существовать, в шталаг № 310 - ещё одно удивительное совпадение! - находится сегодня мемориальный комплекс погибшим советским военнопленным и землякам, павшим в годы войны. Из тридцати тысяч пленных, нашедших здесь свою мученическую смерть, на сегодняшний день известны имена только 326 человек... Но и здесь фамилии Игнатов нет на памятных плитах...

И мне очень горько. Горько за трагическую судьбу своего деда, попавшего в страшную мясорубку сорок первого года; горько, что расстрелян был одним из первых. Сержантом запаса он был перед самой войной - с каждым призывом уезжал из дому на три месяца обучать призывников, наверняка, в этом же звании и ушёл на фронт. Остаётся только гадать, был ли он в ходе боевых действий повышен в звании или же принят в партию, ведь именно офицеров и коммунистов расстреливали в первую очередь, наравне с евреями, или же кто-то мог выдать фашистам, что был Николай до войны активистом и председателем сельского Совета?..

Больно и горько мне и за судьбу двадцатипятилетнего лейтенанта, чья короткая биография неожиданно раскрылась передо мной на страницах пожелтевших документов военных лет...

И я обещаю себе, что обязательно съезжу когда-нибудь в далёкий г. Конотоп и принесу к мемориалу Вечной Славы цветы: тебе, мой дорогой дедушка, Игнатов Николай Матвеевич, и всем лежащим с тобой в братских могилах солдатам. И обязательно поклонюсь вам в пояс, и скажу спасибо. Спасибо, что живы. А ещё непременно напишу письмо в Рязанскую область, в деревню Свиридовку (может быть, там ещё есть кто-то, кто так же, как и я, очень хотел бы знать о судьбе своего прадеда), и отошлю все найденные документы. И даже если не найдутся родственники погибшего лейтенанта, то пусть хотя бы односельчане знают о судьбе своего земляка. Его фамилии нет на могильной плите в месте захоронения, но, она, наверняка, выбита на таком же скромном деревенском памятнике, как и в нашем селе. А поэтому нельзя, чтобы наши Николаи Матвеевичи так и остались лежать в чужой земле просто неизвестными солдатами, нужно, чтобы о них знали и помнили. И я верю, в чьи бы руки ни попало это письмо, оно не останется без внимания, потому что нет в России семьи, которой не коснулась бы страшная беда под названием Великая Отечественная Война, а значит боль у нас общая...

Лилия ЕСИНА.

с. Серетино.